

Юстас Тертелис

Монопьеса в одном действии для
начинающего актера

Это – моноспектакль. Всех персонажей, которые появляются во время монолога, играет один актер. Он одет торжественно, но не богато. Сцена пуста. Единственная сцениграфическая деталь – макет дерева, который вносится на протяжении спектакля. Когда зрителей начинают запускать в зал, актер уже стоит на сцене. Не обязательно стоит. Может сидеть, прыгать, лежать, разглядывать публику. Словом, актер готовится к спектаклю. Может непосредственно пообщаться с публикой, если это необходимо, если ему этого хочется. Он всеми способами старается подбодрить себя и сосредоточиться. Когда зрители в сборе, администратор театра дает актеру знак начинать спектакль.

Актер выходит в центр, убеждается, действительно ли он остановился в середине сцены, где приклеена метка – белая клейкая лента, которая видна не только актеру, но и зрителям.

Перед тем как начать, актер представляет спектакль, представляется сам, упоминает при этом, что он недавно закончил Музыкально-театральную академию, словом подчеркивает, что он – еще молодой актер.

АКТЕР: ... итак, прошу всех выключить мобильные телефоны, и тогда мы начнем (*актер останавливается перед лентой. Пауза.*). К слову, я еще должен вам сообщить, что именно я и начну этот спектакль. Спектакль начнется, когда я переступлю эту ленту. Здесь на полу приклеена такая лента. Ничего особенного, просто лента. Хотя обычно, когда актеры в академии что-либо играют, всегда кто-то из-за кулис кричит «поехали». Но здесь уж я «поехали» кричать не стану... Ну, вы ведь поймете... Я переступлю ленту, и вы поймете, что началось. Тут изменится освещение, заиграет музыка и (*бросает взгляд на ленту*)... и начнется.

(Пытается оправдаться, зачем он тут делает такое вступление к спектаклю). Хотя вообще-то я должен был начать оттуда (*показывает на боковые кулисы*)... Выйти уже «в роли» и начать. Но раз уж вышел сначала представить спектакль, что вообще-то должен был сделать режиссер... Так раз уж вышел, было бы глупо возвращаться и снова выходить.

(Пауза)

АКТЕР: Просто, обычно спектакли начинаются оттуда (*показывает за кулисы*). Обычно актер стоит за ширмой и ждет, пока соберется публика, и тогда он делает тот самый первый шаг... и начинается спектакль... Это ведь очень просто...

Стоит актер (*убегает за кулису*) – и вы его не видите. Он делает шаг (*показывается из-за кулисы*) – и вы его видите, и тут начинается спектакль.

И когда здесь стоит актер (*становится перед кулисой, чтобы зрителю было лучше видно*), он ждет, пока вы соберетесь. Ждет знака, когда кто-нибудь скажет «поехали», или когда свет погаснет. Он стоит, волнуется... И здесь он – самый что ни на есть конкретный человек. У него есть имя, фамилия, личный код. И здесь у него есть какие-то свои проблемы – неоплаченные счета, больной зуб... Но он делает этот первый шаг, (*актер делает шаг*) – и там он еще был самим собой, а тут... (*мистически*) тут уже начинается спектакль, тут он уже – кто-то другой. Тут у него другое имя, фамилия, тут у него не обязательно есть те старые проблемы, тут ему больше не болит зуб.

Актер лихорадочно ищет практический пример для этой теории. В каждом спектакле пример может быть другим. В этот раз актер вспоминает своего коллегу по дипломному спектаклю.

АКТЕР: Давайте представим себе. Здесь стоит перспективный актер Йонас Шаркус. Он делает этот шаг, и тут он уже не Йонас Шаркус, тут он кто-то совсем другой. Тут он... Тут он Бартли Маккормик. Такой персонаж. И стоит такой Йонас, и еще чего-то говорит.

А главное, что тут все, кто входит в это пространство... Мы! Мы-то, когда входим, видим, что это Йонас Шаркус, мы его хорошо знаем, но почему-то все равно говорим: «Привет, Бартли Маккормик!». И даже те, кто сидит в зале, кто тоже видит Йонаса, и особенно те, кто лично с ним знаком, все делают вид, что это не Йонас Шаркус, что это, понимаете ли, такой Бартли Маккормик. А ведь с первого взгляда все - нормальные люди. Вот так начинаются спектакли.

Актер сам удивляется своему открытию. От этого ему становится веселее, он продолжает говорить с нарастающим азартом, все более «вживаясь» в изображаемых персонажей.

АКТЕР: Или, знаете, как еще начинаются спектакли? Собирается публика, все рассаживаются. И перед началом спектакля на сцене уже стоит много актеров. Вы их не видите, потому что они спрятались за кулисами. Они волнуются. Тогда становится совсем темно, и все актеры быстренько сбегаются на сцену, становятся в какие-нибудь позы,

замирают... и впереди становится тот самый «главный» актер. В каждом спектакле есть тот самый сильный, тот самый одухотворенный, эдакий лидер! Тогда постепенно загорается свет, и зрителям становятся видны эти персонажи, которые, якобы, когда-то замерли и только теперь, когда публика пришла в театр, оживают. Мол, как вам повезло! Как вовремя вы пришли в театр! Попали именно на тот момент, когда эти персонажи оживают!!! А уж тогда... Главный актер, ну, тот, который «потянет» весь спектакль, оживает первым и многозначительно начинает (*начинает что-то пережевывать поставленным голосом*), после этого машет рукой в сторону другого персонажа. Тогда тот оживает, за ним оживает следующий, и так далее, и начинают драться, ссориться, никак не поделят, который из них важнее, который сильнее страдает... И так весь спектакль.

Смотрит на публику, рассчитывая на восхищение и одобрение, но вспоминает, что он уже давно должен был переступить ленту и начать спектакль. Возвращается к ленте.

АКТЕР: Так вот, спектакли могут начинаться сбоку (*показывает на ширму*), или из темноты, а этот спектакль начинается отсюда (*показывает на ленту*). Потому что осветитель приклеил эту ленту. Это он приклеил для меня... Это из-за света... Молодым актерам приклеивают такие ленты на пол, думают, что мы не чувствуем света (*глядя на осветителя*). Стало быть, эта лента конкретно для меня (*актер стоит, смотрит на ленту*).

Актер стоит, смотрит то на ленту, то на осветителя, то на публику.

АКТЕР: Но начинать всегда очень трудно. Даже неважно, что начинать, потому что в наше время что бы то ни было начать довольно трудно. Потому что тот самый первый момент, он очень важный, очень значительный. И поэтому человеку в принципе трудно начинать, потому что человека мучают проблемы. Разные проблемы. Например: (*пауза, оглядываясь вокруг*) как бы тут все начать? С чего бы тут все начать? В какую сторону надо бы все начать? С чего не следовало бы начинать? А зачем тут вообще что-то начинать? (*бросает взгляд на публику*). Тогда видишь, что вокруг-то все уже начали. Но знаете, пока еще не начал, как-то беспокойно, а уж когда начнешь (*показывает на пространство сцены, которое перед клейной лентой*) все совсем по-другому, там уже легче и там... и там... (*показывая, нечаянно переступает одной ногой ленту, начинает играть музыка, так,*

будто начинается спектакль, актер вскакивает, напуганный музыкой, показывает звукорежиссеру, что еще нет, еще не время).

АКТЕР (*к техникам*): Нет, еще не начинаем. Это был только пример. Не понимаете? Вы же поймете, когда начнем. Я нормально переступлю эту ленту.

Актер сердится на техников, бросает взгляд на публику.

АКТЕР: Нет, нет, вы не подумайте, что я какой-нибудь... не вполне здоровый, или тому подобное. Физически я очень легко могу переступить эту ленту. Только поймите, дело в том, что переступить надо, начать надо как-то изнутри, как-то от души. Начать надо нутром. Так в академии учат: что внутреннее действие диктует внешнее действие и...

Бросает взгляд на публику, видит, что публика не совсем понимает, о чем он тут говорит.

АКТЕР: Ладно, не важно, забудьте, давайте уже лучше начнем, надо, так сказать, проложить путь... (*вдруг о чем-то задумывается*)

... А вы заметили, что слово «ПРОЛОЖИТЬ» очень странное. (*актер все открытия делает рассказывая*). Ну, само слово вполне нормальное, часто употребляется, «Проложить» - оно состоит из двух частей: ПРО и ЛОЖИТЬ. Слово ЛОЖИТЬ как бы понятно: поместить что-либо в какое-нибудь место. Например, положить, сложить, заложить. Но тут эта приставка ПРО, которая показывает как бы непопадание, пытался что-то куда-то положить, но не попал, проложил. И все время, если я что-то делаю и говорю: «давайте проложим путь!», это как бы значит, что я пытаюсь что-то делать, но не попадаю. Все привыкли, что в русском языке отрицательная приставка – НЕ, но давайте возьмем какой-нибудь положительный глагол и добавим ПРО, например ИГРАТЬ – будет ПРОИГРАТЬ, СЛУШАТЬ, ГЛЯДЕТЬ – ПРОСЛУШАТЬ, ПРОГЛЯДЕТЬ, а ведь никто не хочет проиграть, правда? И уж тем более никто не хочет проиграть, что-либо проглядеть или прослушать, когда нужно начать, проложить путь. Тогда лучше вообще не начинать.

А начинать все равно надо. (*Актер начинает горячиться*). Однажды все равно понимаешь, что надо начать. Надо. И все хотят не просто проложить путь, а проложить его

со всей силой и могуществом. Чтобы было такое начало, ПРОЛОГ. И никто не хочет, чтобы было это «ПРО-», все хотят, чтобы был «ЛОГ», про-ЛОГ. Чтобы было как проЛОГ нового дня. Как проЛОГ новой жизни. Эдакий всем проЛОГАМ ПРОЛОГ.

Актер случайно переступает ленту, снова звучит торжественная музыка. Актер отрывает эту ленту и приклеивает ее перед собой.

АКТЕР: ... И рождается человек заново. И первый вопрос, который приходит ему на ум, это вопрос «где я?».

Актер оглядывается и рассматривает все вокруг.

АКТЕР: Потому что где только люди не рождаются. Рождаются, конечно, в больницах, и становятся врачами, медсестрами, сиделками. Рождаются в троллейбусах, и становятся водителями троллейбусов, контроллерами или зайцами. Люди рождаются в школах и становятся учителями или директорами школ. Бывает, рождаются в море и становятся рыбаками, капитанами или камбалой. Бывает, люди рождаются за письменным столом – они становятся писателями, поэтами, в крайнем случае, журналистами или критиками. Бывает, люди рождаются в самолетах, и раскрываются как летчики или стюардессы.

Актер осознает, где он «родился».

АКТЕР: Но бывает, случается, люди рождаются и в театре. Тогда эти люди становятся курильщиками. Нет. Они становятся актерами. Я, право, не знаю, где рождаются режиссеры, но актеры рождаются здесь, в театре, а еще точнее, тут – на сцене.

Актеру не терпится и он с азартом пытается рассказать, как можно родиться актером.

АКТЕР: Актер рождается в тот момент (*таинственно и торжественно*), когда ты в первый раз выходишь на сцену, (*актер убегает в конец сцены и понемногу идет вперед, все рассказывает, несколько преувеличивая значительность*) как и все, кто рождается, ты видишь и чувствуешь свет. Чувствуешь это тепло, исходящее от прожекторов. Идешь

вперед, чувствуешь этот настоящий запах сцены. Видишь партнера. Чувствуешь, как весь воздух вокруг дрожит. Видишь публику, чувствуешь ее дыхание и тогда...

Ненадолго задумывается.

АКТЕР: ... И на самом деле ни черта ты не видишь, и ни черта не чувствуешь, потому что от этого страха перед премьерой у тебя так мутит внутри и так что-то звенит в голове, что ты ни черта не чувствуешь и ни черта не видишь. И на самом деле внутри весь выглядишь вот так (*актер весь напрягается, встав в какую-нибудь позу*), но главное не растеряться и не забыть, что ты репетировал, а если и забудешь, что ты репетировал, то хотя бы текст нужно сказать. Потому что если текст забыл, то хотя бы первую фразу обязательно надо произнести. Потому что если уже сказал первую фразу, то можешь быть спокоен, опытный партнер все равно как-нибудь тебя обыграет.

Играет этого опытного, зрелого актера.

АКТЕР: А партнер все равно будет более опытный. Ведь ты сегодня только становишься актером. У тебя это первый раз, а партнер уже десять лет играет на сцене. Он уже знает все эти сценические трюки. Ведь у партнера не первый случай, когда коллега забывает текст. А ты? Ты сегодня только рождаешься. Тебе нужна помощь. Ты еще слишком слаб. А партнер смотрит на тебя и вспоминает собственный первый раз, который был еще жестче, чем у тебя, и пытается тебе помочь.

Актер лихорадочно продолжает.

АКТЕР: Но до сих пор ты еще не стал актером. Актером становишься тогда... Теперь вы все можете попытаться почувствовать или понять, как рождаются актеры. Только теперь сидите, и ничего не делайте, просто слушайте. И то, что услышите, представьте, что это происходит с вами, не со всеми вами вместе, а с каждым в отдельности – с вами, с вами и с вами. Закройте глаза. Актером становишься тогда, когда меркнет свет, и в тишине ты слышишь... (*актер начинает аплодировать*) и тебе аплодируют, множество людей тебе аплодирует, и ты бежишь им поклониться. (*актер бежит в конец сцены и кланяется спиной к зрителям, кланяется несколько раз и все рассказывает как будто через плечо,*

так, как будто все происходит сейчас). Ты кланяешься зрителям и после этого со всеми актерами убегаешь за кулисы и слышишь, что тебе все еще аплодируют, и ты бежишь назад, видишь, как родственники тебе машут, как будто думают, что ты не знаешь, где они сидят. И все аплодируют тебе. Возможно, на самом деле аплодируют какому-нибудь гораздо более известному актеру, который играет с тобой. Но для тебя это ни черта не важно, потому что тебе кажется, что тебя они любят так же, как и его. И тебе несут цветы, естественно, родственники несут. *(Актер убегает и становится перед кулисой)* Потом убегаешь за кулисы, и на этом еще ничто не заканчивается, тут все актеры тебя поздравляют. Никто не высказывает тебе никакой критики. Тебя поздравляют старшие актеры, на которых ты еще несколько лет назад смотрел и думал «о, чтобы я когда-нибудь так смог», а теперь они пожимают тебе руку и говорят: «молодец, продолжай в том же духе», а ты: «спасибо, спасибо, спасибо». Потом все расходятся *(актер отходя от кулисы вытирает свою руку о ширму)*, и ты выходишь в коридор.

А там родственники, тети, дяди. Тети начинают плакать, как же так, наш ребенок так красиво играет. Дяди смотрят с гордостью. Все «засыпают» тебя цветами, еще какую-нибудь передачку из дома принесут, ну там, колбасы, окорок. А потом все расходятся. Тогда ты переодеваешься и со всеми сумками, с передачами, с цветами идешь домой. Ты же ничего не можешь оставить, ведь это первые цветы, первые подарки. Выходя, ты ненадолго останавливаешься. Пока никто не видит, потому что почти все уже разошлись, ты выходишь на сцену. Здесь темно, тихо. Тогда ты останавливаешься на сцене и ловишь себя на мысли что это чувство, это чувство хм..., и тогда ты становишься актером.

Ну, пока еще не совсем актером, но у тебя в голове возникает такой «файл», в котором написано «Я АКТЕР». И еще долго, когда ты куда-нибудь придешь, друзья или знакомые будут говорить тебе: «о, смотрите, актер пришел!». Ты будешь говорить: «Нет, нет, что вы». А где-то в глубине души подумаешь: «Да, да актер!».

Глядя на публику, задумывается, начинает говорить спокойным, деловым тоном, с какой-то досадой.

АКТЕР: Дети, подростки, женщины, мужчины, если вам когда придется, если когда представится случай случайно попасть сюда, выйти на сцену театра, перед тем как выходить, очень хорошо подумайте. Может быть, на самом деле лучше там остаться. Сидеть и смотреть, как тут все красиво на сцене. Как тут все танцуют, поют, играют,

потеют. Перед тем, как выходить, очень хорошо подумайте, стоит ли? Стоит ли стольким жертвовать?

Сердится.

АКТЕР: Но где уж тут подумаешь, если очень хочется. Не то, что хочется, ты просто жаждешь, когда тебе кажется, что единственное место на свете, где ты должен, где ты обязан родиться – это здесь, на сцене театра. Стало быть, перед началом ты, правда, не подумаешь чего-то вроде: «А может лучше где-нибудь в другом месте родиться? Может, стоит еще взвесить, подумать?»

На самом деле, может, ты и думал о чем-то, только перед рождением тебе настолько промыли мозги, что ты ничего не помнишь, и оттого, что ничего не помнишь, начинаешь горько плакать. Бывают актеры, которые во время своего рождения тоже так как-то красиво плачут. Или, бывает, родители плачут, из-за того, что вот, у них родился не сын или дочь – у них родился актер.

Или этот актер, он рождается в театре. И этот человек, родившийся в театре, сразу пытается понять, куда это он попал? Врач лечит людей в больнице. Банкир в банке считает деньги, рыбак ловит рыбу в море. А актер играет в театре.

Когда ты болен, идешь в больницу. Когда тебе надо что-то сделать с деньгами, ты идешь в банк. А приходишь в театр?

Вот вы, пришли в театр и... Почему вы пришли в театр? (пауза) зачем вам нужен этот театр? Каково назначение всего этого?

Актер понимает, что от публики он ответа не получит, пытается сам как-то ответить.

АКТЕР: (*вспомнив*) Шекспир когда-то написал такие слова, что: (*читает по-шекспировски*) Назначение театрального искусства, как раньше, так и сейчас - держать как бы зеркало перед природой, являть добродетели ее же черты, спеси - ее же облик, а всякому веку и сословию - его подобие и отпечаток. Так считал Шекспир, в каком 1601 г., а как сейчас? Как обстоят дела с театром? Что это такое – театр?

АКТЕР: Театр – это... как и врачи, чтобы работать в больнице, ты учишься на медицинском факультете. Когда кто-то определяется стать ученым, он поступает на

физику, химию. А когда ты однажды решаешь стать актером... Ты сразу начинаешь искать, есть ли еще такие как ты... мол, нормально ли это? Идешь в какую-нибудь театральную студию, ага, есть. Потом читаешь всякие газеты и однажды приоткрываешь такую тяжелую черную дверь и видишь, что здесь много таких как ты. Ты думаешь «слава богу». И как только ты это подумаешь, следующая мысль бывает: «подожди, подожди, все-то мы не поступим». *(к публике)* Правда, поверьте, я к вам ничего плохого не испытываю, мне тоже нравится театр, но если бы стоял выбор, ты станешь актером или я? Тогда лучше уж я. Лучше уж я.

И если тебе улыбнется удача, ты поступаешь в это заведение, где готовят тех, кто хочет родиться в театре. В Литве это Литовская музыкально-театральная академия, в Клайпеде готовят, недавно и в Шяуляй стали готовить. И все они хотят родиться в театре. И тебя там учат рождаться. Готовят к рождению.

Актер идет вперед (только не через ленту) и рассказывает, прохаживаясь по рампе, словно демонстрируя публике свои знания о театре.

Ты учишься, как надо рождаться актером. Ты учишься, как надо работать с воображаемыми предметами, учишься петь, танцевать, двигаться, грамотно разговаривать, обязательно нужно научиться фехтовать. Но тебе всегда любопытно, что же такое этот театр, ну, тот театр, тот, в котором мне доведется родиться. Ну что же это?

И кроме всех других лекций ты приходишь в такой класс, там сидит дама преклонного возраста – преподаватель, надо понимать, театровед, готовая преподавать тебе дисциплину, которая называется: «История театра». Точнее: «Всемирная история театра». Потому что перед тем, как родиться в театре, ты обязательно должен знать всех тех, кто родился до тебя, и должен знать, как они родились. Ты должен знать все об Античном театре, Софокле, Еврипиде, Шекспире, Мольере, Голдони, Антонине Арто, Чехове, Станиславском, Мейерхольде, Питере Бруке, Вайткусе, Некрошюсе, Туминасе, Коршуновасе... Но перед тем как узнать все эти фамилии, а иначе говоря, это не я придумал, все эти явления, самые первые слова преподавателя таковы:

Преподаватель спрашивает у зрителей. (Актер становится около ленты).

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ: Дети. Знаете ли вы, что такое театр? *(пауза)*

И все только думают, думают. Что такое театр? А ты сидишь и думаешь: «нет, я тебе не стану отвечать, что такое театр, я сюда поступил не для того, чтобы рассказывать тебе, что такое театр? Ну уж нет. Я подожду, и ты сама мне точно скажешь, что такое театр». Еще в школе я очень хорошо выучил одну вещь, что учителя всегда задают только те вопросы, на которые сами прекрасно знают ответы, так зачем спрашивать? Но преподаватель продолжает лекцию, потому что видит, что никто не понимает.

Актер играет диалог между преподавателем и студентом, сидящим на последней парте.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ: Дети, театр состоит из нескольких очень простых вещей.

СТУДЕНТ: Это уж точно, что из простых.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ: Театр состоит из одного человека, который находится в пустом пространстве.

СТУДЕНТ: Стало быть, из актера.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ: И другого, который смотрит.

СТУДЕНТ: То есть, зрителя.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ: И этого вполне достаточно, чтобы был театр.

СТУДЕНТ: И все?

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ: И все. Человек в пустом пространстве и хотя бы один зритель.

СТУДЕНТ: Но постойте-постойте, в пустом пространстве. В пустом пространстве? Но театр... театр... Но театр, это же здание.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ: Это абсолютно не важно.

СТУДЕНТ: Как неважно, посмотрите на оперный театр, такой большой, как неважно, но ведь актер должен иметь театр.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ: Здание театра создано для зрителя, здание и определяет театральную сцену, то самое пустое пространство. А вы будете актерами (преподаватель смотрит на своих студентов), актерами, и актеру достаточно просто пустого пространства, а все остальное в здании театра, и гардероб, и коридоры, и кафе, и бары – все создано для зрителя.

Нервы актера-студента не выдерживают, и он «срывается».

СТУДЕНТ: Но постоит, как достаточно? Как создано для зрителей? Так посмотрите же на других, давайте сравним с другими. Черт возьми, ведь все другие, они имеют намного больше. Ведь у врачей есть больницы, у них есть... там завалено разными аппаратами, которые пищат, которые считают кровяное давление, в конце концов, у них есть шприцы. Банкиры – у этих есть компьютеры, эти аппараты, куда вкладываешь стопку банкнот, и все они за несколько секунд сосчитаны...

Актер начинает метаться по пустой сцене театра.

... А я? У меня что? Пустое пространство? Как? Я буду рождаться там, где ничего нет? Поймите-поймите, как совсем ничего нет? Совсем пусто?! Я и больше ничего?!

Актер успокаивается, как будто смиряется.

АКТЕР: И с самой первой лекции, ты начинаешь сомневаться в преподавателе по истории театра и всех театральным критикам.

Но пока ты так думаешь, видишь, что преподаватель не обращает на тебя никакого внимания и дальше читает лекцию, и начинает с первобытного человека, с его танцев вокруг костра, с его ритуала. И тогда ты понимаешь, что это пустое пространство, в котором ты должен будешь родиться, происходит от ритуального танца, который исполнял перед охотой какой-то примитивный твой прапрапра... дед, какой-то пещерный человек.

Актер приходит в себя.

АКТЕР: Но потом дела идут на поправку, оказывается, люди создавали театр уже давно. Разумеется, он родился, как и многое, что сейчас есть в нашем распоряжении, он родился в Греции. Он развертывался и развертывался до Шекспира, до Арто, до Станиславского, до Брука, до Некрошюса, и развернулся до тебя. Он развернулся до тебя, и твое дело, ты будешь продолжать его развертывать или нет? Поскольку ты уже начал там учиться, значит, пытаешься его как-то развернуть. Но раз уж начинаешь что-то развертывать не умеючи, то будь уверен, оно быстрее тебя завернет, чем ты его. И завертывает. Но главное, что ты не поддаешься, и пытаешься его перевернуть. И он снова тебя завертывает. И проходит еще много времени, пока ты научишься его развертывать. Но это еще не скоро. И

когда развертываясь сам начинаешь развертывать театр, ты видишь, что все не так просто, как казалось вначале. Все гораздо сложнее. Что это пустое пространство иногда не такое уж и пустое. А чтобы сцена не была или не казалась пустой, есть два способа ее заполнить.

Первый: поставь туда актера. Это уже работа режиссера, но о режиссерах чуть позднее.

Второй способ: поставь туда какую-нибудь сценографию.

Он понимает, что настал его час рассказать все как есть, или хотя бы как ему кажется.

Актер злорадно улыбается.

АКТЕР: А сценографию на сцене создают такие сценографы. *(рассказывает все как сценограф)*. Сценографы - это такие люди, которые учились изобразительному искусству. Учились всем хитростям этого искусства и вообще-то должны были родиться на картине или в какой-нибудь скульптуре. Но они пытаются еще и в театре родиться. Даже на сцене родиться, конечно, косвенно. Чтобы родиться на сцене, они обязательно должны поставить какую-нибудь хоть маленькую сценографию. Они приходят иногда на репетиции и смотрят, как актеры репетируют. А главное, глядя на них, они замечают, где остаются пустые пространства, чтобы можно было поставить какую-нибудь сценографию, какую-нибудь маленькую сценографию. А поставить ее надо для того, чтобы они могли родиться. Поэтому актер, заметив, что на репетицию пришел сценограф или художник, старается очень хорошо играть, чтобы занять как можно больше места на сцене. Но из этого ничего не выходит, потому что профессиональный глаз сценографа все равно видит пустое место на сцене. Тогда он дома думает, советуется с режиссером, ну, о режиссерах чуть позже. Тогда сценограф думает, думает и придумывает. И однажды, придя на репетицию, ты видишь примерно такую картину.

Актер выносит на сцену картонное дерево, весьма неважную бутафорию.

АКТЕР: Ты говорил с режиссером о своем персонаже, о его чувствах, и он тебе сказал, что вот в этом месте ты подойдешь к дереву. И тыходишь, и... *(показывает на дерево)* и как играть? А ведь со сценографом дискутировали, говорили. Представьте себе, что спектакль был о мужчине и женщине, о жизни, о том, как у мужчины и женщины рождались дети, у их детей тоже рождались дети, менялись поколения, мужчины уходили

на войну, женщины их ждали. А это дерево все время стояло. С художниками говорилось о важности этого дерева, что оно будет символом этой вечности. Сами понимаете, тут все меняется, а дерево - оно стоит. Это могло бы быть даже чье-то генеалогическое дерево. Так иди иначе, режиссер, о них может поговорим позже, почему-то хотел вложить в это большой смысл, символ. А сценограф вложил в это просто немного картона и краски. И вот мы видим великую, гениальную сценографию. Но вообще-то художник в театре очень нужен. Хороший художник.

Актёр, даже не закончив о сценографах, сразу начинает рассказывать о композиторах, видно, что актёр гораздо больше симпатизирует композиторам, чем сценографам.

АКТЕР: Также, как в театре нужна музыка. Музыка - это совсем другое. Практически в каждом спектакле звучит музыка. Потому что музыка нравится публике, потому что, чтобы понять музыку, не нужно ничего, ты просто чувствуешь ее. И она управляет тобой. В театре есть такие люди – композиторы. Они пишут для спектакля музыку. Они, как и сценографы, тоже приходят, сидят на репетициях, только они лучше, потому что они, правда, не собираются занимать твоего места на сцене. Они смотрят, и что-то понимают, о чем-то говорят с тем, о ком я расскажу чуть позже. Говорят-говорят и однажды приносят и отдают cd диск. И это прекрасно, потому что они рождаются не на сцене, а на компакт-диске.

На фоне звучит тихая музыка (другой мотив, нежели до этого).

АКТЕР: Практически в каждом спектакле звучит музыка. Потому что музыка нравится публике, потому что, чтобы понять музыку, не нужно ничего, ты просто чувствуешь ее. Ты можешь говорить на любом языке мира, но чтобы понять музыку, не нужно ничего. Ты слышишь музыку и сразу все понимаешь. Всей музыкой в театре заправляет звукорежиссер. Звукорежиссер – это такой человек, у которого все время там, у вас за спиной, есть такой стол с множеством кнопок, и он все эти кнопки чертовски любит, это человек, который всегда наблюдает за спектаклем, который видит каждый спектакль... (музыка становится громче)... который видит все актерские ошибки и украдкой смеется над ними, потому что вообще-то он – техник... (музыка становится еще громче) – это

человек, которому театр давно надоел, потому что это – злой человек... *(музыка играет настолько громко, что не слышно актера)* человек, который...

Актер понимает, что он не может перекричать музыку. Он стоит и смотрит на звукорежиссера. Тот выключает музыку.

АКТЕР: *(к публике)* Приношу искренние извинения за технические неполадки. В общем, как вы заметили, звук в театре очень важен. Он создает атмосферу. Он создает практически все.

Вдруг в зале становится совершенно темно.

АКТЕР: Ну хорошо, не все.

Свет загорается.

АКТЕР: *(Актер сердится, что техники срывают ему весь спектакль, все говорит прямо им)* Еще в театре очень важен свет, там сидит такой художник по свету и звукорежиссер, вот они сидят там вдвоем и творят, вообще здесь, на сцене, могло бы и не быть актера, да? Могли бы быть свет и музыка.

ТЕХНИК: *(со своего рабочего места)* Уйди.

АКТЕР: Что?

ТЕХНИК: Уходи со сцены.

АКТЕР: Как это? Никуда я не пойду.

Гаснет свет на сцене.

АКТЕР: Эй, ребята, прекратите. Прекратите этот бред. Ну ладно, ладно, ухожу.

Актер скоро возвращается с ручным прожектором. Светит себе в лицо.

Уважаемые зрители, видите, насколько актер должен быть готов к каждой ситуации. Я их знаю, я был готов. Не совсем понимаю, как такие люди вообще работают в театре?

ТЕХНИК: Не понимаю, за что тебе дали диплом актера.

АКТЕР: Слушайте, ребята, давайте, может, прекратим этот бред, я завтра пойду к директору театра и все изложу в письменном виде.

ТЕХНИК: Ну ладно, ладно. Играй.

Актёр стоит и с обидой смотрит на техников.

ТЕХНИК: Играй.

Актёр стоит.

ТЕХНИК: Играй, я сказал.

Зажигает свет.

ТЕХНИК: Играй.

АКТЕР: Играть. Что ты вообще понимаешь в игре...

Актёр снова видит публику.

Видите, уважаемая публика... Видите, насколько важно полностью осознавать в каком месте ты родился. Очень важно влиться в коллектив, влиться в общество, в котором ты вдруг оказываешься.

АКТЕР: *(с иронией)* А наш театр очень дружелюбный, все коллеги очень благосклонны, никогда не скупятся на замечательные и ценные советы. А наш технический персонал и техническая база вообще уникальны.

АКТЕР: Странно, но в наше время театра бы не было без сценографов, без композиторов, без звукорежиссеров и осветителей, и, разумеется, театра бы не было без вас, без публики. Без людей, которые приходят в театр, которые любят театр. Поймите, вы для нас очень важны.

Актёр на мгновение останавливается, задумывается.

АКТЕР: Да, раз уж говорим о публике, о людях, которые приходят в театр, то... в театр приходит очень много очень разных людей. В театр приходит еще одна такая часть людей, которые, так сказать, тоже рождаются во имя театра. Они видят чертовски много спектаклей. Они знают почти всех актеров, их лица, их фамилии. Им доводится побывать практически во всех театрах нашей страны. Если повезет, они путешествуют по миру, чтобы посмотреть, что творится в других мировых театрах. И о театре они знают все.

Актёр ищет взглядом, не видно ли в зале какого театрального критика.

АКТЕР: Это наши замечательные и неповторимые театральные критики.

Актёр почтённо кланяется.

АКТЕР: *(все рассказывает очень мягко, словно ему бы самому хотелось быть театральным критиком)*. Они очень нужны нашему театру, только иногда становится непонятно, нужен ли театр им. Потому что они очень много знают, иногда кажется, что они знают все. Они колесят по миру, по известнейшим фестивалям. Все видят. За всем наблюдают. А ты сидишь в своем театре, думаешь о своей роли, о своем театре, и ничего не видишь. Все творишь, терзаешься. И так промучаешься каких пол года, создашь какой спектаклик, и тогда театровед, вернувшись с очередного Авиньонского фестиваля, видит где-нибудь на автобусной остановке или читает в Интернете объявление о показываемых спектаклях, и приходит в театр.

И ему здесь очень нравится. Кому бы не понравилось прийти в театр и почувствовать, что весь театр прислушался. Внезапно администрация стала отлично работать, где-нибудь в коридоре вдруг промелькнет режиссер театра, он как бы невзначай здоровается, предлагает, может быть, кофе, но ты учтиво и по всем европейским стандартам оказываешься, говоришь: «спасибо, я сегодня уже пил», хотя думаешь, что было бы неплохо выпить кофе, чтобы ненароком не уснуть во время спектакля. Но тогда ты садишься где-нибудь в уголке, как будто хочешь побыть в одиночестве, случайно разворачиваешь еще завалывшуюся в твоей сумочке программку Авиньонского фестиваля, чтобы все, кто понимает, и кто не понимает, видели.

Внезапно все актеры узнают, что в театр пришел известный театральный критик, все напрягаются, начинают действительно готовиться к спектаклю, выполнять разные

упражнения йоги, и тому подобное. Когда в зале гаснет свет и начинается спектакль, все актеры глазами начинают искать тебя в зале, и незаметно спектакль начинают играть в твою сторону...

Актер поворачивается, и все начинает играть в одну сторону.

АКТЕР: ... чтобы только тебе все было хорошо видно. И все так играют, так играют, так стараются, так потеют. Вдруг все начинают цепляться за сценографии, все начинает валиться из рук. А ты думаешь: «и что это они тут так стараются, актеры явно перебирают, просто-напросто переигрывают, могли бы ведь так просто, чисто и точно играть, так, как те французы на Авиньонском фестивале».

Заканчивается спектакль, театровед спокойно выходит из зала.

Актер выходит за кулисы и тут же быстро выбегает.

АКТЕР: *(активно)* И тогда в театре все начинают ждать, ждать, ждут день, ждут два дня, ждут неделю. Перелистывают все газеты, проверяют все странички в Интернете, где случайно могла бы быть помещена статья об их спектакле, ну хоть не статья, хоть статейка, хоть статеечка. А она не появляется. Иногда появляется какая-нибудь миниатюрная статеечка, мысль которой примерно такова: «что мол там-то и там-то показывают спектакль, уважаемые зрители, сходите, посмотрите». И все украдкой радуются, «вот, о нас написали, могли больше написать, проанализировать спектакль могли, ай, может, в другой раз проанализируют, надо радоваться, что хоть с грязью не смешали».

Нет, ну нельзя сказать, что не бывает никаких добротных, никаких профессиональных статей – бывают. Бывают и очень хорошие. О Некрошюсе, Туминасе и Коршуновасе, о Вайткусе уже почти не пишут. Но о них пишут все европейские театроведы.

Актер лихорадочно ищет слова. Как бы тут все рассказать как есть? Как все обобщить?

АКТЕР: ... и создается такое впечатление, что у нас в Литве есть не театр европейского уровня, а театроведы европейского уровня. И это хорошо, это очень хорошо, потому что европейские стандарты в наше время – очень хорошо.

Что-то вспоминает, пугается.

АКТЕР: Ой, этого режиссер просил не говорить, об этом просил лучше помолчать. А, кстати, о режиссерах. О режиссерах...

Актёр подходит к рампе, приводит себя в порядок.

АКТЕР: Начну издаleка, чтобы вы поняли. Вы знаете, как по-латышски удав? Джюнглю шнюрс – шнур джунглей. А знаете, как по-латышски актер? Сценас стракалс – на сцене скакун. А знаете, как по-латышски режиссер? Рекалс ант сценас стракала – крикун на того, кто на сцене скакун. Вот и все о режиссерах.

Актёр выглядит усталым.

АКТЕР: И вообще, в театре еще всего очень, очень много, в театре еще бывают драматурги. В Литве они – редкость и в театре встречаются не часто. В театре еще есть администрация, где работают люди, которые делают рекламу, которые отрывают билеты... В театре еще есть рабочие сцены... В театре еще есть бутафоры, которые изготавливают различную бутафорию, например, ненастоящие ножи и тому подобное... В театре еще есть уборщицы... которые скорее всего лучше всех и понимают театр, потому что они каждый раз после спектакля убирают эту сцену. Представляете, заканчивается спектакль. Вы все уходите, оставляете за собой там кучу бумажек, бутылок. И приходит человек. Как правило, это старый человек. Он приходит на сцену... А на сцене после спектаклей, уж вы мне поверьте, здесь столько всего, столько всего... Он приходит, приносит с собой щетку, ведро воды, тряпку, и начинает все убирать. А когда ты что-то убираешь... странно... но это что-то становится тебе дорого. Даже если ты за это и деньги получаешь. Ведь когда вы моете свою новую машину, или когда убираете свой дом. Вы их убираете, потому что это вам дорого, так ведь? Или когда вы убираете свои квартиры... Или чистите ботинки своей дочери или сына. Вы чистите для того, чтобы они красиво выглядели. Для того, чтобы они красиво выглядели, потому что это ваши ботинки. Потому что это ваши дети. Потому что в некотором роде это вы сами, это часть вас. Значит это и есть вы.

В театре рождаются спектакли и умирают, рождаются актеры и умирают, но... но я как то устал объяснять вам все это, почему-то устал. Шекспир сказал, что «назначение театрального искусства, как раньше, так и сейчас - держать как бы зеркало перед природой, являть добродетели ее же черты, спеси - ее же облик...» Но что толку с этого Шекспира, плевать на всю эту историю, на Станиславского, Гротовского, Брука, Некрошюса, на всю историю театра, потому что у театра нет истории, театр рождается здесь и сейчас? То, что я стою перед вами, а вы сидите передо мной. Это настоящий момент...

Актер ничего не делает, просто стоит и смотрит на публику.

АКТЕР: Может быть, этот момент и есть театр. И я тут распинаюсь целый час, чтобы приковать ваше внимание, придумал эти трюки с осветителем и звукорежиссером, чтобы только вам не было скучно. Потому что мне приятно, что вы сегодня здесь, что пришли в театр. И я пытаюсь и вам, и себе, логически и не только объяснить, что есть театр? Для чего есть театр?

Во время монолога становится непонятно, это все актер рассказывает публике или себе, в некоторых местах может говорить даже не совсем связно.

АКТЕР: Но не театр самое важное. В больнице ты лечишь больного, и не потому, что ты за это получаешь зарплату, а потому, что этот человек болен, он нуждается в помощи. В море ты ловишь рыбу, потому что кому-то на берегу она нужна. Ты чувствуешь себя нужным. Ты знаешь, для чего ты существуешь: «я ловлю рыбу, потому что кому-то она нужна». В театре ты показываешь спектакль, и ты ведь за это не зарабатываешь миллионов, но в этот момент заставляешь людей задуматься или улыбнуться... Хотя ненадолго просветляешь их жизнь, а это значит... Что ненадолго просветляешь и этот мир. Потому что все то, что я говорил вам до сих пор...это была бессмысленная чепуха, кроме того, что... я-то на самом деле... кроме того... кроме того, что я сказал о режиссере – это была чистейшая правда. Потому что режиссер – это крикун на того, кто на сцене скакун...

Актер отворачивается от зрителей, и трудно понять, плачет он или смеется.

Актер поворачивается и улыбается публике.

АКТЕР: Никогда не верьте актерам. Они вам лгут. У них такая профессия. Потому что правда и ложь здесь, в театре – равноценные понятия.

Так вот, почтенная публика, позвольте вам представить еще одну, последнюю и наверняка основную часть театра – актера.

Актер переступает через ленту, звучит торжественная музыка, актер стоит в свете одного прожектора.

АКТЕР (*возвышенно*): Актер в театре самый главный! Актер – это все! Он единственный на сцене раскручивает сюжет! Он единственный заставляет трепетать всю публику! Только он насквозь просачивается в каждого своего персонажа! Он влюбляется! Он предает! Он рождается! Он умирает! Он становится храбрецом! Становится трусом! Он становится королем! Становится нищим! Становится дьяволом и богом! Он – великий иллюзионист, потому что на сцене он делает все!

Актер делает шаг назад, переступая через ленту, исчезает музыка, снова включается обычный свет.

АКТЕР (*просто*): Все, чего требует, и чего не ожидает публика.

Актер кланяется. Темнеет.